

6. Карнейчык, Я.І. Беларуская нацыя: гістарычны нарыс / Я.І. Карнейчык. – Мінск, 1969.

7. Тихомиров, М.Н. Значение Древней Руси в развитии русского, украинского и белорусского народов / М.Н. Тихомиров // Вопросы истории. – 1954. – № 6. – С. 19–26.

8. Токарев, С.А. О культурной общности восточнославянских народов / С.А. Токарев // Советская этнография. – 1954. – № 2. – С. 21–32.

9. Народы Европейской части СССР : в 2 т. – М., 1964. Т.1.

10. Седов, В.В. Еще раз о происхождении белорусов / В.В. Седов // Советская этнография. – 1969. – № 1. – С. 105–121.

11. Седов, В.В. К происхождению белорусов (проблема балтского субстрата в этногенезе белорусов) / В.В. Седов // Советская этнография. – 1967. – № 2. – С. 112–129.

12. Седов, В.В. О происхождении белорусов / В.В. Седов // Древности Белоруссии: материалы конф. по археологии Белоруссии и смежных территорий. – Минск, 1966. – С. 301–309.

13. Ермолович, М. Где была летописная Литва ? / М. Ермолович // Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии. – Минск, 1969. – С. 233–238.

14. Этногенез белорусов. – Минск, 1973.

15. Хворов, В. Василий Кириллович Бондарчик / В. Хворов // Наследие Слуцкого края [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: <http://nasledie-sluck.by/ru/people/Historians/4801/> – Дата доступа: 01.02.2017.

16. Михнюк, В.Н. Становление и развитие исторической науки Советской Белоруссии (1919–1941 гг.) / В.Н. Михнюк – Минск, 1985.

17. Михнюк, В.Н., Петриков П.Т. Историческая наука Белорусской ССР в 80-е годы / В.Н. Михнюк, П.Т. Петриков. – Минск, 1987.

Глосикова О., Мушинский Н. И. Толерантность и нравственность как коэволюционные факторы на примере истории Словакии и Беларуси

Козволюционная онтология заложила основы для понимания того факта, что новая цивилизационная парадигма должна выстраиваться на признании включённости эволюции культуры и социо-

культурной реальности в целом в глобально представленные эволюционные процессы мирового порядка.

Развиваемые нами идеи реальной (позитивной) онтологии выстраиваются на основе философского синтеза исторически представленных и современных учений эволюционизма, в рамках которых возникает и получает различные интерпретации проблема коэволюции. Исходным в этой проблеме является вопрос о коэволюционной динамике социокультурной реальности и природы.

Реальная (позитивная) онтология опирается на представления о целостном Космосе, каждый из объектов которого может быть представлен как исторически развивающаяся система, обладающая «синергетическими» свойствами. Более того, специфика человеческой деятельности приводит к тому, что любой из объектов мира, попадая в сферу человеческих интересов, приобретает «человеко-размерность». Проецируя это обстоятельство на процесс бесконечного взаимодействия человека и мира, можно предположить, что со времени формирования внутри эволюционного процесса социокультурной реальности с присущей ей динамикой развития, «человеко-размерность» становится атрибутом развивающихся систем.

Определенная историческая представленность системы природы и социокультурной реальности может быть обозначена как онтическая реальность, имеющая, в свою очередь, чётко фиксированные онтические формы и исторически складывающиеся взаимосвязи этих форм. Нами выделяются такие устойчивые онтические формы, как природа, культура, техника и цивилизация. Артикуляция этих форм, исторически меняющиеся системы их отношений производятся усилиями философии и науки и извлекаются из опыта человеческого бытия, центрирующим элементом которого и выступает деятельность общественного человека. Однако в стратегии деятельности важно определить пороги вмешательства в протекающие процессы и обеспечить за счет минимального воздействия такие направления развития системы, которые, с одной стороны, обеспечивают достижение поставленных человечеством целей, а с другой - позволяют избежать катастрофических последствий.

Козволюционная онтология раскрывает глубинные причины тех вызовов и угроз технократического развития, с которыми столкнулось человечество в современных условиях (рост международной напряжённости, загрязнение окружающей природной среды, гло-

бальное потепление климата и т.п.). В этом смысле онтология тесно переплетается с этикой, поскольку успешно отвечать на подобные вызовы и угрозы можно только в общечеловеческом масштабе, выстраивая гармоничные нравственные отношения на основе толерантности ко всему разнообразию социокультурных традиций, расовых, национальных, религиозных особенностей.

К сожалению, человечеству всё ещё не удалось согласовать усилия в позитивном направлении: в обстановке взаимного недоверия, вопреки критическому разуму и здравому смыслу, продолжают возникать «призраки холодной войны», конфронтация продолжается, принимает новые формы – «цветные» революции, «гибридные» конфликты, практика международного террора и т.п. Тем не менее, надежда на благополучный исход не угасает окончательно, поскольку в истории человечества, правда, в меньшем масштабе, но уже встречались конструктивные примеры, когда отдельные народы, длительное время не имея своей национальной государственности, всё же умели выстраивать отношения с другими этнокультурными группами на основе взаимной толерантности в рамках более крупных политических объединений. Со временем для этих народов толерантность стала своего рода национальной чертой характера, что в новых условиях могло бы послужить полезным примером в глобальном преломлении. Сказанное вполне относится к Словакии и Беларуси, история которых и этнокультурное своеобразие приобретают особое значение к контексте современной коэволюционной этики и онтологии.

Рассмотрим сказанное на конкретных исторических примерах. Касательно как Словакии, так и Беларуси историки отмечают, что на их территории уже в глубокой древности пересекались самые разнообразные культурные влияния, что продолжалось и в дальнейшем. Первичное их заселение человеком происходило на рубеже ледникового периода (как и вообще на европейском континенте, где, как считают учёные, предки современных людей появились значительно позже, чем в Азии – питекантроп и синантроп, или в Африке, «прародине человечества» - австралопитек). В Словакии обнаружены древнейшие стоянки неандертальцев в районе Попрада и Шаля, кроманьонцев – Селетская культура верхнего палеолита. На территории Беларуси к мустьерской культуре (что тоже соответствует стадии неандертала) относятся поселения Юровичи на реке Припять

(Калинковичский район Гомельской области), Подлужье на реке Сож (Чечерский район, там же), Абидовичи на реке Днепр (Быховский район Могилёвской области). В дальнейшем плотность заселения значительно возрастает: можно назвать на словацких землях неолитическую свидерскую культуру линейно-ленточной керамики, буковогорскую культуру; среднему и верхнему неолиту соответствуют культуры Лендьель и Польгар, энеолиту (3 – 2 тысячелетия до н.э.) - Баденская культура, эпохе бронзы (примерно 2000 – 500 гг. до н.э.) – городище Слишки – Штвртке под горами Татрами, которое часто называют «словацкими Микенами» (по сходству с Крито-Микенской древнегреческой культурой); на севере страны – Лужицкая культура, на востоке – Куштановицкая. Уже в эту удалённую эпоху здесь соседствовали самые разные племена и народы: киммерийцы, даки, фракийцы, кельты, сарматы (языги), германцы (квады, маркоманы), в первом веке новой эры сюда распространила свою власть Римская империя, с 5 века в эпоху «переселения народов» здесь периодически появлялись остготы, вандалы, лангобарды, авары, гунны, окончательно утвердились славяне. В это же время на территории Беларуси проживали восточнославянские племена Кривичей, Радимичей, Дреговичей, которые большинство исследователей считает коренным элементом. С переходом к земледелию на волне демографического подъёма происходит формирование воинского сословия и появляются первые княжества: в Словакии – Моравское (с 833 г.- Великая Моравия) и Нитра; в Беларуси – Полоцкое, Турово-Пинское и др. В это же время происходит распространение христианства; известно, что в 863 – 866 гг. в Словакии проповедовали Кирилл и Мефодий, проездом из Византии в Болгарию, и дальше – на восточнославянские земли.

К сожалению, впоследствии ни словакам, ни белорусам не удалось сохранить национальную государственность. На них оказывали давление соседние народы, которые тоже переживали «взрыв пассионарности», резко увеличивали численность народонаселения: в 13 – 14 вв. с запада началась немецкая колонизация (на Беларуси – экспансия Тевтонского ордена), с востока – набеги и планомерное наступление степных кочевников, турок-османов, впоследствии создавших своё государство, под властью которого южно-словацкие земли находились до 1699 года (а также - половцев, печенегов, татаро-монголов). Чтобы противостоять им, приходи-

лось укрупнять государственность: словаки сначала объединились с Венгерским королевством, позже - с австро-венгерской империей Габсбургов; белорусы последовательно входили в состав Великого княжества Литовского, Речи Посполитой (под властью польских королей), Российской империи. Тем не менее, этнокультурная самобытность сохранялась в глубинах народной памяти; это дало повод национальной интеллигенции на рубеже XIX – XX вв. заговорить о возрождении традиций и восстановлении собственной государственности. Возможность представилась в условиях наступивших социальных потрясений (мировых войн, революций, распада старых имперских образований и возникновения новых «блоков» и «систем»). Словаки с 1918 жили со славянами-чехами в единой Чехословакии (периодически подпадавшей под влияние «западных демократий», нацистского режима, «социалистического» содружества), с 01.01.1993 г.- стали отдельным самостоятельным государством. Беларусь вошла в СССР (западные территории до 1939 г.- в состав Польши), после распада, которого в 1991 г. – обрела «независимость», пытается осуществлять многовекторную модель внутренней и внешней политики. Как бы то ни было, приходится признать, что и словаки, и белорусы, на протяжении многих веков активно взаимодействовали с самыми разными другими народами, объединялись с ними в политические союзы, иногда враждовали, в любом случае – испытывали культурное влияние, однако сумели сохранить собственную уникальность и самобытность. Столь причудливые исторические пертурбации выработали у них спокойное и сдержанное отношение к самым неординарным проявлениям иной культуры, религии, национальности, уважительное внимание к чужим мыслям, чувствам, образу жизни.

Толерантность стала для них национальной чертой характера, нравственной основой общественного бытия. Это могло бы послужить образцом для всего человечества, вынужденного судорожно искать взаимные «точки соприкосновения» в условиях глобального техногенного кризиса, пытающегося совместными усилиями обеспечить позитивное коэволюционное взаимодействие природной и социальной систем.